

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.022-033

О. В. Колесниченко*

Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования снижения общего качества жизни потерпевшего от повреждения здоровья в качестве самостоятельной разновидности неэкономических потерь, определению доктринальных и нормативных предпосылок для выработки научно обоснованных критериев его оценки и возмещения в деликтных обязательствах. Установлено, что, несмотря на использование в ст. 151 ГК РФ термина «физические страдания», данная составляющая не имеет достоверных методов учета при назначении компенсации морального вреда во многом по причине концентрации соответствующего способа защиты гражданских прав на самом акте противоправного поведения, соединения в нем функций условного восстановления индивидуально воспринимаемых утрат и частной санкции. С учетом значимого зарубежного опыта (Австралия, Испания, Италия, США, Франция и др.) обосновано, что рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния потерпевшего отдельно от конструкции морального вреда предопределяется их ролью в качестве неэкономической основы жизнедеятельности каждого человека, проистекающей из ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни. Предложена методика расчета компенсации нематериального вреда в данной части, основанная на принципах обособленности оценки физических состояний для временных и стойких травм, комплексности учета факторов влияния повреждения здоровья на общее качество жизни потерпевшего, объективности характеристики степени выраженности болевых ощущений. Уточнена область применения конструкции морального вреда в исследуемых правоотношениях, распространяющаяся на физические и нравственные страдания, развивающиеся из сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности» (потери способности получать удовольствие от профессиональной деятельности и обычных повседневных занятий, потери перспектив личностного роста в спорте и хобби и др.).

Ключевые слова: вред здоровью; неэкономические потери; моральный вред; боль; дискомфорт; физические страдания; нравственные страдания; возмещение; деликт.

Для цитирования: Колесниченко О. В. Снижение общего качества жизни как самостоятельная разновидность неэкономических потерь при повреждении здоровья // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 6. — С. 22–33. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.022-033.

Reduction of the Quality of Life as an Independent Kind of Non-Economic Losses in Case of Damage to Health

Olga V. Kolesnichenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. 1-ya Krasnaya, d. 18, Ryazan, Russia, 390043
olja_korn@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to examination of the decline in the overall quality of life of a person who has suffered health damage as an independent kind of non-economic losses. The author defines doctrinal and regulatory

© Колесниченко О. В., 2023

* Колесниченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

1-я Красная ул., д. 18, г. Рязань, Россия, 390043

olja_korn@mail.ru

prerequisites for the development of scientifically grounded criteria for its assessment and compensation in tort obligations. It has been established that, despite the use of the term «physical suffering» in Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation, this element does not have reliable accounting methods when determining compensation for moral damage, largely due to the concentration of the appropriate method of civil rights protection on the act of unlawful behavior itself and the combination of the functions of conditional restoration of individually perceived losses and private sanctions. Taking into account significant foreign experience (Australia, Spain, Italy, USA, France, etc.), the author substantiates that consideration of adverse changes in the general parameters of the physical condition of the victim separately from the moral harm construction is predetermined by their role as a non-economic basis for the life of each person, resulting from a resource-oriented approach to the category of quality of life. The author proposes the method of calculating compensation for non-material damage based on the principles of isolation of the assessment of physical conditions for temporary and persistent injuries, the complexity of factors of the impact of health damage on the overall quality of life of the injured person, the objectivity of the characteristics of the severity of pain. The scope of application of the construction of moral harm in legal relations under consideration is clarified, extending it to physical and moral suffering, developing from the accompanying intangible losses of «special value» (loss of the ability to enjoy professional activities and ordinary daily activities, loss of prospects for personal growth in sports and hobbies, etc.).

Keywords: harm to health; non-economic losses; moral harm; pain; discomfort; physical suffering; moral suffering; compensation; tort.

Cite as: Kolesnichenko OV. Snizhenie obshchego kachestva zhizni kak samostoyatel'naya raznovidnost' neekonomicheskikh poter pri povrezhdenii zdorov'ya [Reduction of the Quality of Life as an Independent Kind of Non-Economic Losses in Case of Damage to Health]. *Lex russica*. 2023;76(6):22-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.022-033. (In Russ., abstract in Eng.).

В основе критериев установления размера компенсации морального вреда в России лежит устоявшееся представление о том, что выплата таковой должна обеспечивать потерпевшему условное удовлетворение за нанесенную обиду и стресс, а потому зависит от интенсивности их переживания, определяемой характером противоправного поведения, обстановкой происшествия и индивидуально воспринимаемой ценностью потери¹. Причинение физических страданий при повреждении здоровья, очевидно, выбивается из этой концепции, поскольку глубина и возможность преодоления болевых и иных дискомфортных физических ощущений находится в более тесной связи с эффективностью медикаментозной терапии и типом травмы, нежели с эмоциональной рефлексией по поводу происшествия. Характерно, что тяжесть телесных повреждений при неосторожных деяниях зачастую оказывается выше по сравнению с умышленными — ярким примером здесь являются последствия дорожных аварий, несчастных случаев на производстве. Отмеченные противоречия позволяют ставить перед доктриной вопросы о том, корректно ли учитывает ст. 1101 ГК РФ составляющую общего снижения каче-

ства жизни потерпевшего на фоне испытываемых неблагоприятных физических ощущений, и если нет, то могут ли последствия данного рода исследоваться в качестве самостоятельной разновидности неэкономических потерь, существуют ли предпосылки для выработки научно обоснованных критериев их оценки и возмещения в деликтных обязательствах.

Среди робких попыток обосновать самостоятельное значение параметра физических страданий в содержании конструкции морального вреда следует особо отметить подход, согласно которому дестабилизация эмоционального фона потерпевшего при повреждении здоровья связывается с начальным нарушением его физического благополучия как проявления комфортного, безболевого физического существования. Претерпеваемые субъективные страдания, таким образом, представляются результатом нарушения сразу двух видов благополучия: физического и психологического². Такое обоснование, впрочем, является не более чем уловкой цивилистической науки, поскольку в действительности не существует прочных оснований для того, чтобы придавать различное правовое значение отдельным компонен-

¹ Дюбко Е. Институт компенсации морального вреда в российском праве // Законность. 2012. № 1. С. 50–51.

² Трофимова Г. А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 23.

там физического вреда, являющегося исходной предпосылкой эмоциональной рефлексии, будь то вред, оцениваемый по правилам § 2 гл. 59 ГК РФ или же выраженный в неблагоприятных физических ощущениях.

Фактический отход от двухчастной структуры морального вреда подтверждает распространенность мнения о тождественности последнего психическому вреду, исследуемому исключительно в части негативных психических реакций потерпевшего на основе гипотезы о том, что при определении значения термина «страдания» ключевую смысловую нагрузку несет именно наличие таких реакций³. Любопытно, что большинство предложенных к настоящему моменту расчетных методик следует именно этому подходу, эксплуатируя категорию базисного уровня страданий, обоснованную еще в 1997 г. А. М. Эрделевским⁴. Основные различия заключаются в особенностях применяемой расчетной формулы, в содержании которой в качестве ключевого параметра может приниматься прожиточный минимум или иной показатель, характеризующий уровень достатка потерпевшего⁵, абстрактная величина, устанавливаемая консенсусным путем, в том числе на примере тяжкого вреда здоровью, тетраплегии и т.п.⁶ Размер выплаты чаще всего рассчитывается как умножение данного показателя на сумму корректирующих коэффициентов, обозначающих каждое юридически значимое обстоятельство с той или иной степенью его детализации (форма и степень вины делинквента, сопутствующая вина потерпевшего, индивидуальные обстоятельства на стороне каждого из этих субъектов и др.)⁷. Популярной альтернативой является установление диапазонов выплат для конкрет-

ных нарушений прав с сохранением всей полноты судебного усмотрения в части выбора и обоснования конкретной суммы⁸, впрочем, этот вариант отличается лишь отсутствием расчетной формулы: вместо упомянутых коэффициентов здесь предусматривается описательная характеристика каждого из вышеперечисленных параметров.

Разумеется, компенсация морального вреда не может быть разделена на две отдельные суммы, одна из которых обеспечивает справедливую, хотя и условную оценку претерпеваемых потерпевшим субъективных страданий (элемент справедливой компенсации), а другая — пропорциональную оценку формы и степени вины делинквента, частных особенностей противоправного поведения (элемент удовлетворения), что также влияет на содержание обосновываемых методик. Представляется вполне аргументированной позиция Д. Е. Богданова о том, что меры гражданско-правовой ответственности надлежит устанавливать исходя из проявлений не только корректирующей, но также дистрибутивной и ретрибутивной справедливости⁹. В то же время учет этих параметров, на наш взгляд, изначально должен базироваться на достоверном и исчерпывающем определении характера и степени тяжести наступающих неблагоприятных последствий и лишь затем допускать корректировку полученной суммы в целях предупреждения неприемлемой диспропорции по отношению к степени общественной опасности совершенного деяния, моральным характеристикам правонарушителя и т.п. Очевидным препятствием для развития такого подхода является характерное для отечественной цивилистики

³ *Ефремов А. В.* Компенсация морального вреда за гибель (смерть) военнослужащих по правилам гражданского законодательства // *Гражданин и право.* 2020. № 5. С. 77.

⁴ *Эрделевский А. М.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М. : Форум, Инфра-М, 1997. С. 133–140.

⁵ *Гусева И. И., Зубков В. Н.* Новые подходы к методике определения размера компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью и жизни граждан // *Российская юстиция.* 2019. № 1. С. 64.

⁶ *Самсонов Р. А.* Апробация метода капитализации доходного подхода к оценке стоимости компенсации вменяемого морального вреда // *Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы.* 2022. Т. 15. № 1. С. 59.

⁷ *Козырева Е. В., Новикова Н. В.* К вопросу о системе критериев для определения размера компенсации морального вреда // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право».* 2021. № 4 (68). С. 31.

⁸ *Кумаллагов З. У.* Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда // *Гражданин и право.* 2019. № 5. С. 95.

⁹ *Богданов Д. Е.* Триединная сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // *Журнал российского права.* 2013. № 7. С. 56.

методологическое заблуждение, состоящее в соотношении всех без исключения неэкономических проявлений повреждения здоровья с физическими страданиями и нравственными переживаниями, попытке экстраполировать используемые в ряде зарубежных государств успешные методики применительно к такому достаточно узкому доктринальному и нормативному определению¹⁰.

Между тем в странах общего права, из доктрины и практики которых нередко черпается материал для сравнительных исследований, компонент «боли и страданий» (*pain and suffering* — *англ.*) не является не только единственным, но даже универсальным параметром оценки нематериальных потерь, компенсируемых в составе общего ущерба. Базируясь на опыте таких задающих тон в данной области государств, как Австралия, Великобритания, Канада, США, можно говорить о существовании десяти основных проявлений такого вреда, из которых только четыре анализируются применительно к телесным повреждениям: помимо боли и страданий, речь идет о потере удобств, сокращении продолжительности жизни, а также чисто психическом вреде, находящем свое выражение в опосредованных нарушениях психической функции. Введению расчетных нормативов обычно предпочитается мягкое регулирование, реализуемое за счет следования судебной практики требованиям об обязательности отсылок к суммам взыскания по аналогичным делам¹¹, ограничении предельных сумм общего ущерба или отдельных его составляющих¹². В то же время общим правилом является самостоятельное исследование психических последствий системного характера и физических страданий, не обусловленных телесными повреждениями, а

также не менее существенная, фактически равноправная по сравнению с составляющей боли и страданий роль компонента потери удобств, или потери способности получать удовольствие от жизни (*loss of amenities, loss of enjoyment of life* — *англ.*). Такая потеря традиционно связывается либо с определенными разновидностями анатомо-функциональных нарушений, формирующими критические с точки зрения условий повседневной жизнедеятельности ограничения физического состояния и (или) болевые ощущения для любого «среднестатистического» человека (полная утрата функций одного из органов чувств, утрата сексуальной функции и т.п.), либо с эмоциональной реакцией на утрату личных связей и возможностей, представляющих для конкретного потерпевшего исключительную, индивидуально осознаваемую ценность (утрата или снижение шанса на вступление в брак, утрата возможности проведения активного досуга с детьми и т.п.)¹³.

Обращение к тарифным и иным строгим методикам оценки неэкономического вреда при повреждении здоровья лишь подчеркивает необходимость такого разделения, и это неслучайно, поскольку форвардом в данной области являются государства, рассматривающие анатомо-функциональный компонент в качестве самостоятельной составляющей личного (биологического, телесного) повреждения. В частности, используемые в Испании табличные нормативы расчета компенсации неэкономического вреда при нарушении личных прав предполагают определение начального показателя «основного личного вреда» вне всякой связи с психоэмоциональными реакциями потерпевшего, исходя из балльного эквивалента, устанавливаемого для всех категорий

¹⁰ Будылин С. Л. Боль и страдания в странах общего права. Прейскурант или судебная дискреция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 78 ; Тарасевич К. А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 162.

¹¹ Judicial College Guidelines for the Assessment of General Damages in Personal Injury Cases (2022) (United Kingdom) // URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/Books/Judicial?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)) (дата обращения: 03.02.2023) ; A guide to different procedural rules, limitation periods, assessment of damages and recent cases for personal injury claims in each Australian state (2022). P. 16, 25–26, 29 // URL: <https://www.wottonkearney.com.au/state-of-the-nation/> (дата обращения: 03.02.2023).

¹² Kratz R. The Question of the Constitutionality of Non-Economic Damage Caps in Personal Injury Cases in Canada // The University of Miami Inter-American Law Review. 2019. Vol. 50 (1). P. 210 ; Rabin R. L. Non-Pecuniary Damages in American Tort and Contract Law // The Chinese Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 3 (2). P. 226–232.

¹³ Goudkamp T. Damages for pain and suffering in the UK and Europe // Precedent. 2021. Vol. 163. P. 34.

травм и дифференцируемого в зависимости от возраста жертвы. Категория морального вреда вводится здесь для обозначения одной из составляющих «конкретных личных потерь» и, несмотря на развернутый перечень оснований для его компенсации (при значительном психофизическом ущербе, обезображивании, потере качества жизни), не препятствует объективному учету отдельных разновидностей анатомо-функциональных нарушений (прерывание беременности, иные исключительные последствия)¹⁴. В документе, разработанном Обсервацией гражданского правосудия трибунала Милана для расчета непатримониального ущерба и являющимся обязательным для применения всеми судами в Италии¹⁵, реализован комплексный подход к оценке биологических повреждений и вызванного ими морального вреда, предполагающий назначение суммарной компенсации. В то же время допускается увеличение итоговой выплаты по признаку наличия психофизического страдания особой интенсивности, предусмотрен обособленный учет фигур экзистенциального и гедонистического ущерба, связываемых с эмоциональными переживаниями по поводу невозможности сохранения прежнего образа жизни в части, касающейся индивидуальных пристрастий пострадавшего (хобби, отношения супружества, иные личные связи).

Определенная сложность видится в отграничении объективного физического вреда, находящего свое выражение в проявлениях дискомфорта состояния, от компонента эмоциональных переживаний, проистекающих от отсутствия чувства удовлетворенности от участия в повседневной жизнедеятельности, реализации привычных для потерпевшего форм активности и социальных связей. Тем временем в современных гуманитарных исследованиях широко применяется специаль-

ная категория, позволяющая охарактеризовать уровень психофизического развития личности на конкретном этапе ее существования и способная решить проблему терминологической определенности в данной части, — речь идет о качестве жизни. Воспринимаемая в значении интегрального показателя, она имеет в своей основе объективный показатель здоровья, в то же время в области здравоохранения ее употребление тесно связывается с субъективным восприятием состояния благополучия на разных уровнях психофизического функционирования субъекта. Основные акценты в сфере, критически приближенной к аспектам восстановления правового положения в материально-правовом значении, смещаются на определение степени удовлетворенности пациента качеством оказываемых медицинских услуг в контексте контроля за симптомами заболевания, эффективности адаптации к изменившимся условиям существования (качество жизни, связанное со здоровьем)¹⁶. Впрочем, несмотря на то, что предлагаемые определения указывают на необходимость применения оценочных параметров, позволяющих оценить степень гармонии человека с самим собой и окружающим миром¹⁷, применяемые здесь методики представляют несомненный интерес в рамках настоящего исследования.

В частности, универсальная методика оценки качества жизни, подготовленная Всемирной организацией здравоохранения¹⁸, четко различает в содержании этого понятия аспекты сохранения функциональных способностей индивида, связанных с его участием в обычной бытовой и социальной жизнедеятельности, необходимости преодоления симптомов заболевания, а также выражения взглядов и суждений, характеризующих субъективное восприятие индивидом своего состояния. При этом функциональные способности не ограни-

¹⁴ Ley 35/2015, de 22 de septiembre, de reforma del sistema para la valoración de los daños y perjuicios causados a las personas en accidentes de circulación // URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2015-10197> (дата обращения: 03.02.2023).

¹⁵ Tabelle Milanesi per la liquidazione del danno non patrimoniale // URL: <http://www.milanosservatorio.it/wp-content/uploads/2021/03/OSS-MI-TABELLE-2021-LIQUIDAZIONE-DANNO-NON-PATRIMONIALE-ALLA-PERSONA.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

¹⁶ Еремян З. А., Щелкова О. Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 1. С. 44–45.

¹⁷ Гурyleва М. Э., Журавлева М. В., Алеева Г. Н. Критерии качества жизни в медицине и кардиологии // Русский медицинский журнал. 2006. Т. 14. № 10. С. 762.

¹⁸ WHO Quality of Life Assessment Group (1996) // URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/54358> (дата обращения: 03.02.2023).

чиваются возможностью осуществлять повседневную бытовую деятельность и выполнять традиционные социальные функции (такие, как участие в трудовой деятельности и уход за нетрудоспособными членами семьи). В данной части обособленному учету подлежат и некоторые общие параметры физического благополучия: степень влияния заболевания на выражения силы, энергии, усталости; болевые и иные дискомфортные ощущения, в том числе не связанные со снижением повседневной активности и работоспособности; наличие отклонений от нормального режима сна и иного отдыха. Эмоциональная реакция исследуется в части состояния самооценки, выражения конкретных негативных эмоций, влияния на уровень когнитивных функций, а также в аспекте изменений в зоне личных взаимоотношений, снижения «общественной ценности» личности больного в результате вынужденного отказа от определенных форм активности.

Частные методики конкретизируют и развивают предложенные ВОЗ параметры. Так, к примеру, популярный опросник MOS-SF-36 (Short Form, SF-36)¹⁹ рассматривает отдельно функциональные ограничения в области физической, социальной и обычной ролевой активности, а эмоциональные проблемы здесь исследуются также в части, касающейся невозможности ведения прежней повседневной жизнедеятельности на фоне психических реакций, вызванных первичным заболеванием. Общей особенностью вместе с тем служит указание во всех применяемых методиках на недопустимость ограничиваться оценочными критериями, позволяющими определить степень удовлетворенности пациента своим состоянием и проводимым лечением, его субъективные представления о личном благополучии. В совокупности с ними рассмотрению должны подлежать и параметры социального

благополучия, оцениваемые через социально значимые способности и межличностные связи, а также базовые жизненные условия (так называемый «стандарт жизни») как ключевые параметры физического благополучия, выступающие в качестве материальной основы и предпосылки формирования лучших условий существования²⁰. Обособленное рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров физического состояния, таким образом, предопределяется их ролью в качестве неэкономической основы жизнедеятельности, позиционируемой в рамках объективного, ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что базовый (при тарифном подходе) или максимальный (при описательном подходе) уровень компенсации неэкономического вреда в любом случае определяется такими факторами, как степень развитости экономики, общий уровень благосостояния общества, устоявшиеся представления о справедливом размере удовлетворения²¹. В настоящее время ориентиром в данной области может служить максимальная компенсация морального вреда при повреждении здоровья, равная 4,5 млн руб., обоснованная рабочей группой Ассоциации юристов России на примере тетраплегии как наиболее тяжелого комплексного нарушения функций организма по результатам проведенного социологического исследования²². Для оценки проявлений дискомфортного физического состояния условно может приниматься половина данной величины (2,25 млн руб.), что соответствует представлению о равнозначности физического и эмоционального компонента субъективных страданий.

Объединение рассмотренных доктринальных предпосылок представляется возможным на методологической платформе, реализующей

¹⁹ Ware J., Gandek B. Overview of the SF-36 Health Survey and the International Quality of Life Assessment (IQOLA) Project // *Journal of clinical epidemiology*. 1998. Vol. 51. P. 903–912.

²⁰ Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы / Т. Е. Потёмина, С. В. Кузнецова, А. В. Перешеин [и др.] // *Российский остеопатический журнал*. 2018. № 3–4. С. 101.

²¹ Altwickier-Hámori S., Altwickier T., Peters A. Measuring violations of human rights: An empirical analysis of awards in respect of non-pecuniary damage under the European Convention on Human Rights // *Heidelberg Journal of International Law (HJIL)*. 2016. Vol. 76. P. 28.

²² Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека / Комиссия по вопросам определения размеров компенсаций морального вреда при Ассоциации юристов России. 3 марта 2020 г. // URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 03.02.2023).

наиболее привычный для российской правовой системы подход, при котором размер взыскания для конкретного случая определяется как процент от максимальной суммы, соответствующий характеру и степени влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем. Пример его практического применения в современных условиях дают правила определения размера страхового возмещения вреда здоровью, действующие в сфере обязательного страхования гражданской ответственности участников транспортных отношений²³. Возможность использования приводимых в них нормативов в качестве первоосновы для оценки рассматриваемого компонента физического вреда предопределяется тем, что, помимо типа повреждения здоровья, на определение искомого процента здесь влияют факторы, характеризующие уровень претерпеваемых пострадавшим базовых ограничений и неудобств физического состояния (продолжительность стационарного и амбулаторного лечения, проведение наиболее дискомфортных медицинских манипуляций, последствия в виде визуально оцениваемых дефектов и нарушений отдельных функций).

В то же время заимствование уже существующих правовых конструкций и механизмов не является полноценной альтернативой созданию научно обоснованных критериев определения размера компенсации для дискомфортного физического состояния, которые, в свою очередь, должны являться результатом консенсусного решения юридического, медицинского и судебно-экспертного сообществ. С цивилистических позиций обязательным является установление отправных принципов их применения для целей гражданско-правового регулирования, одним из которых служит принцип обособленной оценки физических состояний для временных и стойких повреждений. Восполняя пробел в части механизмов оценки последних, целесообразно опираться на классификацию функ-

ций организма и показатели оценки степени их нарушения, разработанные для целей установления инвалидности (незначительные — в диапазоне от 10 до 30 %, умеренные — от 40 до 60 % и т.д.)²⁴, избегая, однако, корректировки полученных значений исходя из параметра нуждаемости пострадавшего в мерах социальной защиты. Поскольку оценка причиненного вреда в контексте последствий является альтернативным механизмом, за потерпевшим при получении выплаты по первому разделу расчетной таблицы должно быть сохранено право на дополнительное взыскание разницы между соответствующими суммами.

Принцип комплексного учета факторов влияния повреждения на общее качество жизни потерпевшего, связанное со здоровьем, предполагает применение повышенных процентных показателей (в диапазоне 90–100 %) для ряда исключительно дискомфортных физических состояний, а также корректировку процента в сторону увеличения при продолжительном лечении (для временных нарушений) и реабилитации (для стойких нарушений), проведении наиболее болезненных и травматичных медицинских манипуляций. В качестве исключительно дискомфортных следует учитывать состояния, вызванные критическим нарушением жизненно важных функций организма либо функций целых органов, частей тела и систем, характерной особенностью которых является недоступность компенсации без медицинского вмешательства либо невозможность корректного приспособления к ним в повседневной жизнедеятельности. Их примерный перечень позволяет определить обращение к медицинским критериям определения степени тяжести вреда здоровью — речь идет об угрожающих жизни состояниях (шок тяжелой степени, кома II–III степени различной этиологии и др.), а также отдельных анатомо-функциональных нарушениях, перечисленных в п. 6.2 и п. 6.6–6.10 разд. II данного документа соответственно²⁵.

²³ Правила расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего, утв. постановлением Правительства РФ от 15.11.2012 № 1164 // URL: <https://base.garant.ru/70259716/> (дата обращения: 03.02.2023).

²⁴ Классификации и критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, утв. приказом Минтруда РФ от 27.08.2019 № 585н. Раздел II // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561183607> (дата обращения: 03.02.2023).

²⁵ Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утв. приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194. Раздел II // URL: <https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 03.02.2023).

Обоснованность такого подхода подтверждается указанием в ряду последних на последствия воздействия внешних причин, аналогичные тем, что подлежат объективному учету в рассмотренных зарубежных правовых порядках, например нарушение способности к совокуплению и зачатию, деторождению и пр., неизгладимое обезображивание лица, прерывание беременности, полная потеря слуха и др.

Наконец, принцип обособленного учета болевых ощущений на основании объективных критериев предполагает разработку описательных шкал, характеризующих степень их выраженности, для перевода в процентные значения и последующего установления применительно к временным и стойким нарушениям. Здесь, однако, важно иметь в виду, что не все предложенные медицинской наукой методики оценки боли пригодны для заявленных целей. Так, например, вербальные рейтинговые и описательные шкалы действительно предназначены для характеристики степени выраженности интенсивности неблагоприятных ощущений в числовом (от 0 до 4 или от 0 до 5) либо словесном (от слабой до нестерпимой боли) выражении, однако область их применения ограничена определением тактики лечения. Выбор показателя из числа предложенных осуществляется самим пациентом и имеет ориентирующее значение для специалиста, наряду с результатами обследований и анализов, клинической картиной и т.п. Визуальные шкалы оценки боли (лицевая, аналоговая и др.) отличаются лишь тем, что позволяют оптимизировать оценочный процесс за счет использования ассоциаций с изменениями выражения лица, изображенными на специальных карточках, длиной привычного измерительного инструмента (линейки) и пр.²⁶

В контексте объективизации параметров оценки болевых ощущений наибольший интерес представляет шкала, разработанная для категории пациентов с острым панкреатитом, характерной особенностью которой является отображение в числовом эквиваленте от 0 до 100 четырех критериев: частоты наблюдаемых приступов боли, субъективной оценки интенсивности болевых ощущений, потреб-

ности в применении конкретных лекарственных препаратов для их купирования, а также влияния на трудоспособность²⁷. Полученные показатели суммируются и делятся на 4, что исключает возможность признания болевых ощущений выходящими за пределы показателя «средней интенсивности» (сильная боль, очень сильная боль) исключительно на основании субъективного мнения потерпевшего, в отрыве от реальной клинической картины. Используя этот опыт, представляется возможным аккумулировать объективные параметры оценки болевых ощущений в общую таблицу оценки физических состояний, характерных как для временных, так и для стойких нарушений (например, процентный показатель может дифференцироваться для болевых ощущений, зафиксированных в медицинской документации и не требующих госпитализации; требующих однократной госпитализации в течение года и (или) назначения определенного класса анальгетиков и т.д.).

С законодательной точки зрения реализация предлагаемого подхода должна обеспечиваться внесением изменений в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, предусматривающих предоставление гражданину права на возмещение дополнительно к экономическому вреду неэкономических потерь, обусловленных снижением общего качества жизни, в порядке и размерах, а также в соответствии с методикой, утверждаемой Правительством РФ. Заметим, что такое регулирование не является препятствием для применения ст. 151 ГК РФ для случаев нарушения психофизической неприкосновенности личности и не влечет за собой отхода от критериев, установленных статьей 1101 ГК РФ. Напротив, представляется необходимым уточнение области применения этих норм в русле преобладающих доктринальных подходов и на основе сопоставления с правовой конструкцией нематериальных потерь, выражающихся в болевых ощущениях и иных проявлениях дискомфортного физического состояния.

В системе действующего гражданско-правового регулирования компенсация морального вреда представляет собой исключительный способ защиты гражданских прав,

²⁶ О возможности оценивания болевого синдрома при помощи наиболее валидизированных шкал боли (обзор литературы) / А. М. Морозов, С. В. Жуков, М. А. Беляк [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. 2020. № 27 (2). С. 62–63.

²⁷ Quality of life in chronic pancreatitis — results after duodenum-preserving resection of the head of the pancreas / C. Bloechle, J. R. Izbicki, W. T. Knoefel [et al.] // Pancreas. Vol. 11 (1). P. 77–79.

который фокусируется не на последствиях правонарушения, но на самом акте противоправного поведения, в то же время качественной характеристикой последнего, своего рода «свойством противоправности», служит нарушение или попытка нарушения критически значимых прав или благ личности. По этой причине такая компенсация обоснованно соединяет в себе функции условного восстановления индивидуально воспринимаемых утрат и частной санкции, обеспечивающей необходимое профилактически-воспитательное воздействие на правонарушителя. Критерии, относящиеся к противоправному поведению, индивидуальным особенностям потерпевшего и делинквента, служат здесь своеобразным фильтром, препятствующим превращению защитного механизма в средство наказания, а требования разумности и обоснованности — вспомогательным средством, позволяющим согласовывать индивидуальную аксиологическую интерпретацию тех или иных благ и интересов с существующими в обществе представлениями, поддерживаемыми правом. Поскольку совместный учет этих критериев представляется обязательным исходя из самой природы морального вреда, в случае повреждения здоровья при назначении его компенсации должны исследоваться субъективные физические и нравственные страдания, развивающиеся из сопутствующих нематериальных потерь «особой ценности», включая, например: потерю способности получать удовольствие от профессиональной деятельности и обычных повседневных занятий, потерю перспектив личностного роста в спорте и хобби, потерю возможности испытывать чувство удовлетворения при реализации личных и семейных планов, потерю или ослабление супружеского доверия и ощущения близости в семейных отношениях и др.

Не влияет на такой подход, подчеркнем особо, фактор развития психических расстройств на фоне причиненных противоправным посягательством эмоциональных переживаний — представляется, что таковые не могут оцениваться и компенсироваться в составе рассматриваемой разновидности нематериальных потерь, в отличие от нарушений психической

функции, имеющих органические предпосылки²⁸. В данной части нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в специализированной литературе в качестве клинических тестов, наиболее приспособленных для диагностирования состояний, являющихся так называемыми реакциями на события (посттравматическое стрессовое расстройство, хроническое расстройство адаптации, тяжелая утрата и соматоформные расстройства), позиционируются тесты Вайса-Р, Роршаха и MMPI-2 (Миннесотский многоаспектный личностный опросник). Однако их эффективность связывается с встраиваемыми механизмами противодействия симуляции, в то время как инструмент клинического интервью рассматривается в качестве отправной точки при проведении любых оценок²⁹. Учитывая отсутствие объективных методик исследования, стойкие психоэмоциональные нарушения целесообразно принимать во внимание при определении степени интенсивности претерпеваемых нравственных страданий в составе морального вреда.

Таким образом, несмотря на использование в ст. 151 ГК РФ о праве на компенсацию морального вреда отдельного термина «физические страдания», элемент претерпевания объективных неудобств и дискомфорта физического состояния в связи с повреждением здоровья не имеет достоверных методов учета при назначении искомой компенсации, во многом в силу преобладающего доктринального подхода, согласно которому обязательной для всех случаев взыскания является характеристика индивидуального восприятия потерпевшим акта противоправного поведения. В то же время обособленное рассмотрение неблагоприятных изменений общих параметров такого состояния в качестве самостоятельной разновидности неэкономических потерь предопределяется их ролью в качестве неэкономической основы жизнедеятельности каждого человека, проистекающей из ресурсно-ориентированного подхода к категории качества жизни. Объединение рассмотренных доктринальных предпосылок представляется возможным на основе подхода, в рамках которого размер взыскания определяется как процент от консенсусной суммы, соответствующий

²⁸ F06, F07, F09 in International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision // URL: <https://icd.who.int/browse10/2010/en#/F00-F09> (дата обращения: 03.02.2023).

²⁹ Neuropsychological Evaluation of Somatoform and Other Functional Somatic Conditions / ed. by K. B. Boone. New York : Routledge, 2017. P. 232–353.

характеру и степени повреждения здоровья, с соблюдением принципов обособленности оценки физических состояний для временных и стойких повреждений, комплексности учета

факторов влияния повреждения здоровья на общее качество жизни потерпевшего, объективности характеристики степени выраженности болевых ощущений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданов Д. Е. Триединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. — 2013. — № 7. — С. 49–62.
2. Будылин С. Л. Боль и страдания в странах общего права. Прейскурант или судебная дискреция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 78–97.
3. Гусева И. И., Зубков В. Н. Новые подходы к методике определения размера компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью и жизни граждан // Российская юстиция. — 2019. — № 1. — С. 62–65.
4. Гурылева М. Э., Журавлева М. В., Алеева Г. Н. Критерии качества жизни в медицине и кардиологии // Русский медицинский журнал. — 2006. — Т. 14. — № 10. — С. 761–763.
5. Дюбко Е. Институт компенсации морального вреда в российском праве // Законность. — 2012. — № 1. — С. 49–53.
6. Ефремов А. В. Компенсация морального вреда за гибель (смерть) военнослужащих по правилам гражданского законодательства // Гражданин и право. — 2020. — № 5. — С. 76–95.
7. Еремян З. А., Щелкова О. Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине // Психология. Психофизиология. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 37–49.
8. Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы / Т. Е. Потёмина, С. В. Кузнецова, А. В. Перешеин [и др.] // Российский остеопатический журнал. — 2018. — № 3–4. — С. 98–106.
9. Козырева Е. В., Новикова Н. В. К вопросу о системе критериев для определения размера компенсации морального вреда // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». — 2021. — № 4 (68). — С. 29–33.
10. Кумаллагов З. У. Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда // Гражданин и право. — 2019. — № 5. — С. 93–96.
11. О возможности оценивания болевого синдрома при помощи наиболее валидизированных шкал боли (обзор литературы) / А. М. Морозов, С. В. Жуков, М. А. Беляк [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. — 2020. — № 27 (2). — С. 62–68.
12. Самсонов Р. А. Апробация метода капитализации доходного подхода к оценке стоимости компенсации вменяемого морального вреда // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 53–63.
13. Тарасевич К. А. О некоторых вопросах определения размера компенсации морального вреда // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 4 (46). — С. 158–166.
14. Трофимова Г. А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. — 2016. — № 7. — С. 22–30.
15. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. — М. : Форум, Инфра-М, 1997. — 239 с.
16. Altwicker-Hátori S., Altwicker T., Peters A. Measuring violations of human rights: An empirical analysis of awards in respect of non-pecuniary damage under the European Convention on Human Rights // Heidelberg Journal of International Law (HJIL). — 2016. — Vol. 76. — P. 1–51.
17. Goudkamp T. Damages for pain and suffering in the UK and Europe // Precedent. — 2021. — Vol. 163. — P. 33–37.
18. Kratz R. The Question of the Constitutionality of Non-Economic Damage Caps in Personal Injury Cases in Canada // The University of Miami Inter-American Law Review. — 2019. — Vol. 50 (1). — P. 195–235.
19. Neuropsychological Evaluation of Somatoform and Other Functional Somatic Conditions / ed. by K. B. Boone. — New York : Routledge, 2017. — 462 p.
20. Quality of life in chronic pancreatitis — results after duodenum-preserving resection of the head of the pancreas / C. Bloechle, J. R. Izbicki, W. T. Knoefel [et al.] // Pancreas. — Vol. 11 (1). — P. 77–85.

21. Rabin R. L. Non-Pecuniary Damages in American Tort and Contract Law // The Chinese Journal of Comparative Law. — 2015. — Vol. 3 (2). — P. 226–244.
22. Ware J., Gandek B. Overview of the SF-36 Health Survey and the International Quality of Life Assessment (IQOLA) Project // Journal of clinical epidemiology. — 1998. — Vol. 51. — P. 903–912.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2023 г.

REFERENCES

1. Bogdanov DE. Triedinaya sushchnost spravedlivosti v sfere deliktной otvetstvennosti // Zhurnal rossiyskogo prava [The triune essence of justice in the field of tort liability]. *Journal of Russian Law*. 2013;7:49-62. (In Russ.).
2. Budylin SL. Bol i stradaniya v stranakh obshchego prava. Preyskurant ili sudebnaya diskreziya? [Pain and Suffering in Common Law Countries. Price List or Judicial Discretion?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2020;3:78-97. (In Russ.).
3. Guseva II, Zubkov VN. Novye podkhody k metodike opredeleniya razmera kompensatsii moralnogo vreda v svyazi s prichineniem vreda zdorovyu i zhizni grazhdan [New approaches to the method of determining the amount of compensation for moral harm in connection with harm to health and life of citizens]. *Russian Justice*. 2019;1:62-65. (In Russ.).
4. Guryleva ME, Zhuravleva MV, Aleeva GN. Kriterii kachestva zhizni v meditsine i kardiologii [Criteria of quality of life in medicine and cardiology]. *Russian Medical Journal*. 2006; 14(10):761-763. (In Russ.).
5. Dubko E. Institut kompensatsii moralnogo vreda v rossiyskom prave [Institute of compensation for moral damage in Russian law]. *Zakonnost*. 2012;1:49-62. (In Russ.).
6. Kashanin AV. Kompensatsiya moralnogo vreda za gibel (smert) voennosluzhashchikh po pravilam grazhdanskogo zakonodatelstva [Compensation for moral damage for the death (death) of servicemen according to the rules of civil legislation]. *Citizen and Law*. 2020;5:76-95. (In Russ.).
7. Yeremyan ZA, Shchelkova OYu. Istoriya stanovleniya i razvitiya kontseptsii kachestva zhizni v meditsine [The concept of quality of life in medicine]. *Psychology. Psychophysiology*. 2022; 15(1):37-49. (In Russ.).
8. Kozyreva EV, Novikova NV. K voprosu o sisteme kriteriev dlya opredeleniya razmera kompensatsii moralnogo vreda [To the question about the system of criteria for determining the size of moral harm compensation]. *Vestnik Tver State University. Series «Law»*. 2021;4(68):29-33. (In Russ.).
9. Kumallagov ZU. Problemy pravovogo regulirovaniya kompensatsii moralnogo vreda [Problems of legal regulation of compensation for moral damage]. *Citizen and Law*. 2019;5:93-96. (In Russ.).
10. Morozov AM, Zhukov SV, Belyak MA, et al. O vozmozhnosti otsenivaniya bolevogo sindroma pri pomoshchi naibolee validizirovannykh shkal boli (obzor literatury) [About the possibilities of evaluating a pain syndrome using the most validized pain scales]. *Journal of New Medical Technologies*. 2020;27(2):62-65. (In Russ.).
11. Potemina TE, Kuznetsova SV, Pereshein AV, Samoylova OYu., Yanushanets OI. Kachestvo zhizni v zdavookhraneni: kriterii, tseli, perspektivy [Quality of life in healthcare services: criteria, goals, prospects]. *Russian Osteopathic Journal*. 2018;3(4):98-106. (In Russ.).
12. Samsonov RA. Aprobatsiya metoda kapitalizatsii dokhodnogo podkhoda k otsenke stoimosti kompensatsii vmenyaemogo moralnogo vreda [Approbation of the capitalization method of a profitable approach to assessing the cost of compensation for imputed moral harm]. *Management of a Modern Organization: Experience, Problems and Prospects*. 2022;15(1):53-63. (In Russ.).
13. Tarasevich KA. O nekotorykh voprosakh opredeleniya razmera kompensatsii moralnogo vreda [About some issues of determining the amount of compensation for moral damage]. *Leningrad Law Journal*. 2016;4(46):158-166. (In Russ.).
14. Trofimova GA. Moralnyy vred: sushchnost, osnovaniya vzniknoveniya i obem [The Moral Harm: Nature, Grounds of the Appearing and Volume]. *Legislation and Economics*. 2016;7:22-30. (In Russ.).
15. Erdelevsky AM. Kompensatsiya moralnogo vreda v Rossii i za rubezhom [Compensation for moral damage in Russia and abroad]. Moscow: Forum: Infra-M Publ.; 1997. (In Russ.).
16. Altwicker-Hámori S, Altwicker T, Peters A. Measuring violations of human rights: An empirical analysis of awards in respect of non-pecuniary damage under the European Convention on Human Rights. *Heidelberg Journal of International Law (HJIL)*. 2016;76:1-51.

17. Bloechle C, Izbicki JR, Knoefel WT. et al. Quality of life in chronic pancreatitis — results after duodenum-preserving resection of the head of the pancreas. *Pancreas*. 11(1):77-85.
18. Goudkamp T. Damages for pain and suffering in the UK and Europe. *Precedent*. 2021;163:33-37.
19. Kratz R. The Question of the Constitutionality of Non-Economic Damage Caps in Personal Injury Cases in Canada. *The University of Miami Inter-American Law Review*. 2019;50(1):195-235.
20. Boone KB (ed.). Neuropsychological Evaluation of Somatoform and Other Functional Somatic Conditions. New York: Routledge; 2017.
21. Rabin RL. Non-Pecuniary Damages in American Tort and Contract Law. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2015;3(2):226-244.
22. Ware J, Gandek B. Overview of the SF-36 Health Survey and the International Quality of Life Assessment (IQOLA) Project. *Journal of Clinical Epidemiology*. 1998;51:903-912.